

Конфликтология / nota bene

Правильная ссылка на статью:

Джигкаев А.Х. Влияние трансграничного терроризма на отношения Индии и Пакистана // Конфликтология / nota bene. 2025. № 3. DOI: 10.7256/2454-0617.2025.3.75768 EDN: ZSHYXK URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=75768

Влияние трансграничного терроризма на отношения Индии и Пакистана

Джигкаев Алан Хасанович

ORCID: 0009-0008-7028-5036

Младший научный сотрудник; Институт востоковедения РАН
119421, Россия, г. Москва, Обручевский р-н, Ленинский пр-кт, д. 109/1 к. 1

 alan4land@gmail.com

[Статья из рубрики "Новые вызовы и угрозы безопасности современных государств"](#)

DOI:

10.7256/2454-0617.2025.3.75768

EDN:

ZSHYXK

Дата направления статьи в редакцию:

03-09-2025

Дата публикации:

10-09-2025

Аннотация: В статье рассматривается влияние трансграничного терроризма на развитие двусторонних отношений между Индией и Пакистаном в 1989–2025 годах. Особое внимание уделено нападению на туристов в Пахалгаме 22 апреля 2025 года, ставшему переломным моментом в динамике конфликта. Анализируются особенности террористической активности, деятельность террористических группировок, маршруты проникновения через линию контроля, источники финансирования, использование информационно-коммуникационных технологий, выбор гражданских и символических целей. Особое внимание уделяется тому, как Индия и Пакистан реагируют на террористические атаки и как это меняет параметры взаимодействия сторон. Рассматриваются изменения в дипломатической риторике, торговом и визовом режимах, управлении водами реки Инд, интенсивность приграничных инцидентов и готовность к

ограниченным военным ударам. В исследовании рассматривается взаимосвязь террористической активности с внутренней политикой Индии и Пакистана, механизмами кризисного управления (деятельностью генеральных директоров по военным операциям, горячими линиями) и рисками ядерной эскалации в логике «стабильность – нестабильность». Отдельно анализируется роль внешних акторов и международных санкционных режимов. Использованы методы событийного анализа, сравнительного анализа кризисов 2001–2002, 2008, 2016, 2019 и 2025 гг., процесс эскалации, контент-анализ официальных заявлений и СМИ, а также правовой анализ договора по водам Инда. Теоретическая оптика исследования включает концепции «стабильность – нестабильность» и «эскалационная лестница». Научная новизна работы заключается в объяснении связи «терроризм – дипломатия – водные ресурсы» и уточнении понятия трансграничного терроризма как инструмента давления. Впервые представлена модель «каскада эскалации» (теракт → общественное давление → демонстративные удары → дипломатическое или водное давление → пауза), основанная на индикаторах: выбор гражданских целей, инфильтрация через линию контроля, сигналы по договору о водах Инда, риторика элит. Анализ кризисов 2001–2002, 2008, 2016, 2019 и 2025 гг. выявил смещение от атак на силовиков к ударам по экономике и туризму и институционализацию «водного рычага». Сочетание военных ответов и водной неопределенности усиливает риск ядерной эскалации. Вывод: трансграничный терроризм остаётся ключевым фактором отношений Индии и Пакистана.

Ключевые слова:

трансграничный терроризм, Индия, Пакистан, Линия контроля, Южная Азия, Терроризм, Ядерное оружие, Кашмирский конфликт, Региональный конфликт, ШОС

Введение

Трансграничный терроризм на индийском субконтиненте – не эпизодическое явление, а устойчивый феномен, переплетающийся с нерешёнными территориальными спорами, прокси-активностью и логикой «правдоподобного отрицания» [\[4\]](#). На этом фоне события 22 апреля 2025 г. в Пахалгаме (Джамму и Кашмир) стали водоразделом: массовое убийство туристов вызвало резкую коррекцию индийской повестки – от силовых мер до применения инструментов водной и экономической политики [\[17\]](#).

Объект – индийско-пакистанские отношения в условиях ядерного сдерживания. **Предмет** – механизмы, через которые трансграничный терроризм порождает «эскалационные каскады» (переход от терактов к межгосударственным кризисам) в 2001–2025 гг. **Цель** – установить, при каких условиях теракты запускают такие каскады. **Задачи:** 1) задать измеряемые признаки «эскалационного каскада»; 2) описать развитие сетей (в т. ч. "Лашкар-е-Тайиба"(ЛеT) и Джаяш-е-Мохаммед (ДеM)); 3) установить новую роль водной дипломатии, установившейся после индийско-пакистанского конфликта мая 2025 г.; 4) выделить факторы, поддерживающие повторяемость обострений.

Основная проблема статьи – это выявить, как теракты, совершённые или поддержанные через границу, структурируют двусторонние отношения, повышая риск перехода от терактов к межгосударственному столкновению двух ядерных держав.

Исследование опирается на работы о парадоксе «стабильность–нестабильность» в ядерной среде [\[3\]](#), на исследования о поддерживаемых извне вооружённых группах и

эволюции ЛeT/ДeM [1], а также на правовые и политические анализы Договора о водах реки Инд и водной дипломатии в Южной Азии [3]. Новизна — в объединении этих направлений в единую модель «каскада» с учётом водно-хозяйственного измерения.

Теоретическая рамка. Работа основана на предположении С. П. Капура о том, что ядерное сдерживание снижает риск большой войны, но повышает терпимость к действиям «ниже порога» и к демонстративным «карательным» ударам, которые потенциально могут привести к повышенной эскалации [2].

План исследования. Сопоставление пяти случаев по единому списку вопросов (2001–2002; 2008; 2016; 2019; 2025) и подробная пошаговая реконструкция последовательности событий. Источники: базы событий, официальные заявления и стенограммы, санкционные списки Совбеза ООН, судебные акты, бюллетени по водохозяйственной обстановке и общедоступные спутниковые наблюдения.

Нападение на парламент Индии и мобилизация «Паракрам» (2001–2002).

13 декабря 2001 г. вооружённая группа атаковала комплекс парламента в Нью-Дели. Погибли сотрудники служб охраны и гражданские, пятеро нападавших были ликвидированы. Индия возложила ответственность на поддерживаемые извне сети, связанные с Дем и ЛeT, и потребовала их демонтажа [11]. В ответ началась крупнейшая со времён 1971 г. перегруппировка войск к линии контроля и международной границе (операция «Паракрам»), длившаяся около десяти месяцев. Период сопровождался масштабным минированием, инцидентами на линии контроля и серией дипломатических шагов под давлением внешних посредников. На внутреннем контуре последовали ужесточение антитеррористического законодательства, расширение полномочий сил правопорядка и запреты на деятельность обозначенных структур. В логике эскалационного каскада это был первый за рассматриваемый период пример перехода от теракта к длительному межгосударственному противостоянию при ядерском факторе сдерживания [5].

Мумбаи (2008).

26–29 ноября 2008 г. десять боевиков атаковали ряд гражданских и символически значимых объектов в Мумбаи (вокзал, гостиницы, еврейский центр, кафе и др.). Погибли 166 человек, свыше 300 были ранены; один из участников был задержан и впоследствии осуждён. Эпизод продемонстрировал уязвимость морских и прибрежных маршрутов проникновения, использование распределённой связи и одновременных атак для максимального информационного эффекта. На дипломатическом уровне Индия добивалась привлечения к ответственности организаторов и усиления международных санкционных режимов в отношении причастных лиц. Внутри страны была создана специализированная следственная служба по делам терроризма, расширены полномочия по пресечению финансирования, усиlena береговая охрана и дежурные подразделения специального назначения в крупных городах. По схеме «теракт → общественно-политическое давление → ограниченные меры и дипломатическая деградация» теракт в Мумбаи закрепил модель, при которой даже при отсутствии немедленных ответных ударов возникает затяжное охлаждение диалога и рост взаимных обвинений [6].

Ури и последующие точечные удары (2016).

18 сентября 2016 г. на бригадный лагерь близ Ури (Джамму и Кашмир) было совершено нападение; погибли 19 индийских военнослужащих. В ответ индийская сторона заявила

о проведении через линию контроля точечных ударов по «стартам» и укрытиям диверсионных групп. Пакистанская сторона отрицала факт глубинного проникновения и трактовала произошедшее как усиление перестрелок на линии контроля. В любом случае последовала затяжная фаза интенсивного пограничного огня, дипломатические высылки, отмена участия в региональных мероприятиях и пауза в двусторонних форматах. Эпизод важен тем, что продемонстрировал готовность переходить от «сдержанности» к ограниченным силовым действиям при сохранении контроля над масштабом, а также зависимость эскалации от состояния прямых линий связи между военными ведомствами [7].

Пулвама и удар по объектам в районе Балакота (2019).

14 февраля 2019 г.смертник подорвал колонну полицейских резервных сил в районе Пулвамы (Джамму и Кашмир); погибли 40 сотрудников. Ответственность была публично заявлена ДeM. Индия отменила режим наибольшего благоприятствования в торговле с Пакистаном и повысила пошлины на импорт, а 26 февраля нанесла удар по объектам подготовки боевиков в районе Балакота (провинция Хайбер-Пахтунхва). Индийская сторона заявила о поражении тренировочного центра и значительных потерях у противника, пакистанская сторона отрицала серьёзный ущерб. 27 февраля произошёл воздушный бой, индийский самолёт был сбит, пилот захвачен и спустя два дня возвращён. Фаза острых действий продолжалась считанные дни, после чего стороны перешли к деэскалации под внешним давлением [8].

С точки зрения динамики «каскада» Пулвама-Балакот зафиксировали: (1) зависимость масштаба ответных мер от уровня возложения ответственности; (2) быстроту перехода к межгосударственному кризису при поражении символически значимой цели; (3) роль внешних посредников в ограничении длительности острой фазы [3].

Эти эпизоды демонстрируют повторяющийся «каскад»: крупный теракт → общественно-политическое давление → демонстративные, точечные удары → ответные шаги, рост пограничного огня и дипломатическая деградация [1].

Теракт в Пахалгаме

В 2025 г. эскалационная цепочка приобрела новые черты. После нападения на туристов в Пахалгаме индийское руководство задействовало не только ограниченные силовые меры, но и водно-ресурсные инструменты давления: объявлена временная приостановка исполнения отдельных обязательств по Договору о водах реки Инд 1960 г. [16].

Объяснение повторяемости таких «каскадов» опирается на совокупность факторов [1]:

- оформление поддерживаемых извне сетей и их прикрывающих структур (прежде всего ЛeT и ДeM);
- использование приграничного рельефа и местных социальных связей для проникновения и ухода от преследования;
- устойчивые каналы финансирования и цифровой координации, снижающие издержки планирования;
- действие парадокса «стабильность–нестабильность» в ядерной среде: риск большой войны сдерживается, но растёт терпимость к действиям «ниже порога» и к демонстративным ответам.

Выбор гражданских целей в 2025 г. носил расчётный характер: удары по туристам были

направлены на подрыв экономической «нормализации» и образа безопасности; исследования фиксируют устойчивую связь между всплесками насилия и падением въездного туризма в Индии и регионе [\[15\]](#).

Это смещение фокуса на гражданские, а не исключительно силовые цели повлияло и на международную реакцию: в итоговом документе саммита ШОС 2025 г. были публично осуждены соответствующие нападения и подчёркнута необходимость привлечения к ответственности [\[20\]](#).

23 апреля 2025 г. Индия официально объявила: приостановка исполнения отдельных обязательств по Договору о водах Инда до отказа от поддержки трансграничного терроризма, закрытие пограничного пункта Аттари и иные ограничения коммуникаций [\[16\]](#). На 7–10 мая 2025 г. пришлась острая фаза: стороны обменялись огнём, что стало самым серьёзным обострением за последние десятилетия; после четырёх дней последовала пауза при сохранении жёсткой риторики [\[2\]](#).

Приостановка по Договору о водах не является денонсацией соглашения, однако правовые механизмы и прецеденты спорных процедур показывают, что неопределённость координации способна возрастать именно в критические периоды [\[10\]](#). В августе 2025 г. пакистанские власти дополнительно увязывали тяжесть паводков с изъянами обмена гидрологическими данными после «заморозки» процедур [\[21\]](#).

Для Индии водная составляющая выступила сигналом «допорогового» принуждения; для Пакистана — стимулом интернационализировать вопрос. Концепция «гидрогегемонии» указывает на высокие риски непреднамеренных последствий в гидрологически напряжённые периоды [\[11\]](#).

Опыт 2001–2002 гг. показывает, что террористический триггер способен быстро довести противостояние до масштабной мобилизации и длительного напряжения [\[5\]](#). Опыт 2019 г. — что поражение символически значимой цели ускоряет переход к межгосударственному кризису при ограниченной длительности острой фазы [\[8\]](#). В 2025 г. острая фаза длилась четыре дня, после чего последовал откат при сохранении эскалационных сигналов [\[2\]](#).

Ядерное сдерживание не устраняет стимулы к «ограниченной войне» и точечным операциям; напротив, парадокс «стабильность–нестабильность» подталкивает к субконвенциональным и ограниченным силовым действиям [\[2\]](#). Отсюда — критическая роль каналов прямой связи между военными ведомствами и заранее согласованных «правил остановки»; показательны договорённости DGsMO об укреплении режима прекращения огня (2021) [\[15\]](#).

Внутриполитические факторы усиливают давление на решения в обеих столицах: «аудиторные издержки» сдержанности возрастают, общественное мнение требует решительности, что сужает возможности для «тихой» деэскалации [\[14\]](#).

Заключение

Проведённый анализ подтверждает: трансграничный терроризм на индийском субконтиненте является устойчивым фактором формирования повестки безопасности и внешней политики, а не разрозненным набором эпизодов. Сопоставление пяти ключевых случаев (2001–2002; 2008; 2016; 2019; 2025) показало воспроизводимую последовательность перехода от теракта к межгосударственному обострению при

ядерном сдерживании. «Каскад» складывается из резонансного удара, общественно-политического давления на руководство, ограниченных силовых действий и сопутствующих мер принуждения, после чего наступает частичная разрядка, но с сохранением повышенной конфликтности на линии контроля и деградации дипломатических каналов.

Ответ на исследовательский вопрос состоит в определении условий, при которых вероятность такого каскада максимальна. К ним относятся: ясное возложение ответственности на поддерживаемые извне сети (прежде всего ЛeT и ДeM) и их прикрывающие структуры; поражение гражданских и символически значимых целей; наложение теракта на электоральные циклы и внутриполитические уязвимости; слабая работа прямых линий связи военных ведомств; информационное давление. В ядерной среде действует парадокс «стабильность–нестабильность»: риск большой войны остается сдержанным, но повышается терпимость к действиям «ниже порога» и к демонстративным «наказательным» ответам. Эта комбинация объясняет воспроизводимость кризисов при отсутствии их прямой трансформации в масштабные боевые действия.

Кризис 2025 г. добавил новое измерение — водно-ресурсные инструменты давления. Временная приостановка исполнения отдельных обязательств по Договору о водах Инда превратила водную дипломатию из технической сферы координации в самостоятельный канал принуждения. Это расширило арсенал ответных мер за пределы военной плоскости и повысило значение прозрачности обмена гидрологическими данными в периоды пиковых нагрузок (муссоны), одновременно увеличив риск непреднамеренных последствий для уязвимых downstream-территорий. В совокупности с целенаправленными ударами по туристам как опоре «экономической нормализации» это сместило фокус международной реакции и усилило репутационные издержки отрицания причастности.

Практическая значимость полученных результатов заключается в формулировании набора прикладных мер по минимизации эскалационных рисков. Во-первых, точечное давление на узлы сетей: финансирование, каналы связи, материальная база прикрывающих структур — с опорой на санкционные списки и механизмы правовой помощи. Во-вторых, институционализация каналов кризисной связи (между генеральными штабами и профильными ведомствами) с заранее согласованными «правилами остановки»: предельная длительность ответных действий, допустимый диапазон мер, обязательные уведомления о нештатных водосбросах и авариях. В-третьих, защита и деполитизация обмена гидрологическими данными: минимальный обязательный набор параметров, независимая проверка, экстренные уведомления в периоды повышенного риска. В-четвёртых, поддержание узких гуманитарных и социальных треков (медицина, образование, спорт) как «амортизаторов» транзакционных издержек после острых фаз.

Таким образом, предложенная модель эскалационного каскада с учётом водно-хозяйственного измерения позволяет не только лучше понять динамику индо-пакистанских кризисов, но и выделить конкретные точки приложения политики. Реализация обозначенных мер снижает вероятность самоподдерживающейся эскалации и гуманитарных издержек в ядерной среде, не подрывая базовую логику сдерживания.

Библиография

1. Jervis R. The Meaning of the Nuclear Revolution: Statecraft and the Prospect of Armageddon. – Ithaca: Cornell University Press, 1989. – 268 p.

2. Kapur S. P. Dangerous Deterrent: Nuclear Weapons Proliferation and Conflict in South Asia. – Stanford: Stanford University Press, 2007. – 232 p.
3. Shapiro J. N. The Terrorist's Dilemma: Managing Violent Covert Organizations. – Princeton: Princeton University Press, 2013. – 352 p.
4. Tanel S. Storming the World Stage: The Story of Lashkar-e-Taiba. – New York: Columbia University Press; London: Hurst, 2011. – 288 p.
5. Kalyanaraman S. Operation Parakram: An Indian Exercise in Coercive Diplomacy // Strategic Analysis. – 2002. – Vol. 26, № 4. – P. 478-492.
6. Dew A. Exploiting Seams and Closing Gaps: Lessons from Mumbai // Journal of Strategic Security. – 2012. – Vol. 5, № 1. – P. 65-80.
7. Jacob H. Line on Fire: Ceasefire Violations and India-Pakistan Escalation Dynamics. – New Delhi: Oxford University Press, 2019. – 401 p.
8. Verbakel J. In the Fog of Crisis: The Balakot Affair // ISA Global South Quarterly. – 2025.
9. Salman M. A. S.; Uprety K. Conflict and Cooperation on South Asia's International Rivers: A Legal Perspective. – Washington, DC: World Bank, 2002. – 415 p.
10. Salman M. A. S. The Baglihar Difference and Its Lessons // Water Policy. – 2008. – Vol. 10, № 2. – P. 105-117.
11. Zeitoun M.; Warner J. Hydro-hegemony – A Framework for Analysis of Trans-boundary Water Conflicts // Political Geography. – 2006. – Vol. 25, № 5. – P. 435-451.
12. Mirumachi N. Transboundary Water Politics in the Developing World. – London; New York: Routledge, 2015. – 190 p. DOI: 10.4324/9780203068380 EDN: XYPSKJ.
13. Nahar A. Waters of Reconciliation: Modernizing the Indus Waters Treaty for Climate Resilience and Cooperation // NYU Journal of International Law & Politics. – 2025. – Vol. 57, № 1. – P. 253-267.
14. Fearon J. D. Domestic Political Audiences and the Escalation of International Disputes // American Political Science Review. – 1994. – Vol. 88, № 3. – P. 577-592.
15. Parida Y.; Bhardwaj P.; Ram R. Impact of Terrorism on Tourism in India // Economics Bulletin. – 2015. – Vol. 35, № 1. – P. 665-672.
16. Government of India (MEA). Statement by Foreign Secretary on the decision of the Cabinet Committee on Security (CCS), 23.04.2025. – URL: <https://www.mea.gov.in/Speeches-Statements.htm?dtl/39442/> (дата обращения: 30.08.2025).
17. Reuters. At least 20 feared killed in militant attack on tourists in Kashmir, 22.04.2025. – URL: <https://www.reuters.com/world/india/one-killed-seven-injured-militant-attack-indias-kashmir-india-today-tv-says-2025-04-22/> (дата обращения: 04.09.2025).
18. Shanghai Cooperation Organization (SCO). Joint Declaration of the Council of Heads of State, 2025.
19. Government of India. Joint Statement by the DGsMO of India and Pakistan, 25.02.2021 // Press Information Bureau. – URL: <https://www.pib.gov.in/PressReleasePage.aspx?PRID=1700682> (дата обращения: 31.08.2025).
20. Stimson Center. Four Days in May: The India-Pakistan Crisis of 2025. – 28.05.2025. – URL: <https://www.stimson.org/2025/four-days-in-may-the-india-pakistan-crisis-of-2025/> (дата обращения: 30.08.2025).
21. Reuters. Pakistan says floods made worse by Indian action after IWT pause, 29.08.2025. – URL: <https://www.reuters.com/sustainability/climate-energy/pakistan-says-floods-made-worse-by-indian-action-2025-08-29/> (дата обращения: 31.08.2025).

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не

раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Предметом рецензируемого исследования выступают механизмы влияния трансграничного терроризма на индийско-пакистанские отношения через анализ эскалационных «каскадов» от террористических атак к межгосударственным кризисам в период 2001–2025 гг. Научная актуальность работы обусловлена устойчивым феноменом трансграничного терроризма на индийском субконтиненте, переплетающимся с нерешенными территориальными спорами и прокси-активностью, что особенно усилилось после событий 22 апреля 2025 года в Пахалгаме, вызвавших коррекцию индийской политики в сторону водной и экономической сфер. Практическая значимость статьи заключается в формулировке выводов для политики, включая минимизацию эскалационных рисков через адресное давление на инфраструктуру террористических сетей, поддержку каналов кризисной связи и верифицируемый обмен гидроданными, что может способствовать стабилизации отношений и предотвращению гуманитарных издержек в ядерной среде. Однако потенциальную практическую полезность авторских выводов полностью перечеркивает отсутствие внятного описания (не говоря уже об аргументации!) теоретико-методологического выбора. Практически все выводы, которые делает автор, либо банальны, либо бездоказательны, просто постулируются, например: «Причинная связка включает: (а) институционализацию прокси-сетей (прежде всего LeT/JeM) и их фасадов; (б) использование приграничного рельефа и социальной ткани для инфильтрации; (в) устойчивые каналы финансирования и ИКТ-логистики; (г) стимулы "стабильность-нестабильность" в ядерной среде, когда субконвенциональные акции кажутся "управляемо низкими" по риску большой войны». На чем основано это весьма сильное утверждение? – на двух источниках: 1) на материалах по санкционному перечню Комитета Совета Безопасности ООН и 2) на журналистской заметке в Reuters. Все. Никаких научных работ, никаких научных аргументов, научных методов, ничего. Хотя в цитате приведены фактически ключевые идеи статьи. Но на чем они основаны – остается загадкой. Соответственно, в актуальном виде – при отсутствии внятного описания и аргументации теоретико-методологической базы исследования – невозможно судить ни о новизне полученных результатов, ни тем более об их достоверности. Без научной методологии статья не может считаться научной, только публицистической. Хотя потенциально (при условии должной доработки текста) можно было бы отметить несколько результатов, которые могли бы претендовать на новизну. Прежде всего, речь идет о концептуализации роли водной дипломатии как нового инструмента принуждения в индийско-пакистанских кризисах, что расширяет понимание эскалационной динамики за пределы традиционных военно-политических измерений. Кроме того, автором установлена закономерность трансформации целевых установок террористических групп от силовых объектов к гражданской инфраструктуре (туризм) как способа ведения «экономической войны» и подрыва нарративов нормализации в спорных регионах. Наконец, показано (хотя и НЕ доказано!), что многосторонние дипломатические площадки (ШОС) в 2025 году впервые продемонстрировали консолидированное осуждение трансграничного терроризма, что создало новый механизм легитимации ответных мер и повышения репутационных издержек для государств-спонсоров. Эти результаты могли бы представлять интерес для научного сообщества, если автор доработает статью. В структурном плане рецензируемая работа производит еще более негативное впечатление: в тексте выделены всего два раздела «Введение» и «Заключение», и где начинается содержательная часть, совершенно непонятно. Зачем вообще было выделять вводную и заключительную часть, если не озаглавливать содержательные блоки текста? В актуальном виде текст выглядит очень странно, если не сказать нелепо! Тут уж надо либо выделять несколько содержательных блоков (это

решение предпочтительно!), либо удалять заголовки «Введение» и «Заключение». У академического текста не может быть ТОЛЬКО введения и заключения. Кроме того, текст слишком маленький по объему (немногим больше 9 тыс. знаков без списка литературы, это 0,2 авторских листа; такой объем «тянет» разве что на тезисы, но не на академическую статью). Хотя, если следовать авторской логике, структурно в тексте можно было бы выделить следующие разделы (при условии его расширения хотя бы до приемлемых 20 тыс. знаков (0,5 авторских листа)): - «Введение», где обосновывается проблематика трансграничного терроризма как структурного фактора индийско-пакистанских отношений и формулируется исследовательский вопрос о механизмах эскалации от террористических атак к межгосударственным кризисам; - первый содержательный раздел, где анализируется эволюция террористических сетей и их операционных моделей с фокусом на институционализацию прокси-структур и адаптацию к внешнему давлению; - второй содержательный раздел, где исследуются непосредственные последствия кризиса 2025 года в военно-политической, экономической и дипломатической сферах, включая новое измерение водной политики; - третий содержательный раздел, где рассматриваются факторы устойчивости эскалационной динамики, включая ядерную логику «стабильность/нестабильность» и внутриполитические стимулы к демонстративным ответам; - «Заключение», где резюмируются (не повторяются те формулировки, которые были во «Введении», как это сделал автор! – зачем тогда проводить исследование? – а именно резюмируются!) итоги проведенного исследования формулируются выводы для политики по минимизации эскалационных рисков и управлению кризисами, а также определяются перспективы дальнейших исследований. В актуальном виде публиковать статью нельзя, ее структура нуждается в доработке. Стиль рецензируемой статьи научно-аналитический, хотя также содержит множество проблем. В тексте встречается большое количество стилистических (например, странные выражения вроде «внешнее списочное/санкционное давление», «водный рычаг», «формула "abeyance" – не денонсация»; и др.) и грамматических (например, у автора серьезные проблемы с прописными и строчными буквами: начало предложения он пишет со строчной, а «премьер-министр Пакистана» – с прописной: «уже на сентябрьском саммите ШОС лидеры в присутствии Премьер-министра Пакистана публично осудили нападение...»; и др.) погрешностей, поэтому текст нуждается в тщательной вычитке (а учитывая крайне малый его объем, – еще и в дополнении, доведении до объема хотя бы 0,5 авторских листов). Библиография насчитывает 17 наименований, в том числе источники на иностранных языках, и совершенно не отражает состояние исследований по проблематике статьи. Практически все источники – новостные (иногда перемежающиеся декларациями международных организаций), а не научные. Глядя на список источников, сразу понимаешь, почему автор так ничего и не сказал об использованной методологии. В результате вместо научной статьи читатель получает публицистический дайджест новостей об отношениях Индии и Пакистана. Научная работа начинается не с чтения и пересказа новостей, а со сбора эмпирического материала при помощи корректных методик. И обрабатывается этот материал не «логикой автора», а научным методом. Только такая работа может претендовать на статус академической публикации. Если этого нет, речь может идти только о публицистике. Апелляция к оппонентам отсутствует в силу отсутствия теоретико-методологической рефлексии.

ОБЩИЙ ВЫВОД: предложенную к рецензированию статью на данном этапе ее подготовки нельзя квалифицировать в качестве научной работы, отвечающей основным требованиям, предъявляемым к работам подобного рода. Текст по объему относится скорее к тезисам, чем к полноценной статье; в работе отсутствует описание теоретико-методологической базы исследования, его предмета и объекта, даже цель исследования

автор описывает с ошибкой – как «проблему», а не цель/задачи; структура статьи также нуждается в глубокой переработке; текст следует вычитать на предмет устранения стилистических и грамматических ошибок; список использованной литературы следует дополнить научными работами, посвященными проблематике статьи (собственно, во введении необходимо сделать критический анализ существующей научной литературы по выбранной научной проблеме). После такой доработки полученные автором результаты будут представлять интерес для политологов, социологов, конфликтологов, для исследователей международных отношений, специализирующихся на конфликтах в Южной Азии, ядерном сдерживании и проблемах терроризма, а также для студентов и аспирантов перечисленных специальностей. Материал может представлять ценность для экспертов по безопасности, работающих в государственных структурах, аналитических центрах и международных организациях, занимающихся вопросами предотвращения конфликтов и кризисного управления. Текст также будет полезен дипломатам и практикам водной дипломатии, поскольку впервые концептуализирует использование гидроресурсов как инструмента принуждения в современных межгосударственных кризисах. Представленный материал соответствует тематике журнала «Конфликтология / nota bene» и после соответствующей доработки может быть рекомендован к публикации.

Результаты процедуры повторного рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Предмет исследования – механизмы, через которые трансграничный терроризм порождает «эскалационные каскады» (переход от терактов к межгосударственным кризисам) в 2001–2025 гг. Методологической базой исследования является системный подход, принципы междисциплинарности, кейс-анализ. Актуальность статьи, как справедливо отмечает автор, обусловлена тем, что трансграничный терроризм на индийском субконтиненте – не эпизодическое явление, а устойчивый феномен, переплетающийся с нерешёнными территориальными спорами, прокси-активностью и логикой «правдоподобного отрицания». Вместе с тем актуальность исследования обусловлена также тем, что изучаемая проблематика имеет важное значение для исследования вопросов социальной и международной безопасности. Научная новизна исследования состоит в расширении представлений о феномене современного терроризма и его влияния на внешнеполитическую ситуацию, а также способах обеспечения антитеррористической безопасности.

Статья написана грамотным научным языком. В работе корректно используются термины, при этом автор грамотно обращается к научным категориям, а также анализирует релевантные источники (официальные заявления и стенограммы, санкционные списки Совбеза ООН, судебные акты, бюллетени по водохозяйственной обстановке и общедоступные спутниковые наблюдения). Общая структура работы представлена следующими разделами: введение, результаты исследования и их обсуждение, заключение и библиография, включающая в себя 21 источник на английском языке. Текст статьи имеет следующую рубрикацию: «Мумбаи (2008)», «Нападение на парламент Индии и мобилизация «Паракрам» (2001–2002)», «Ури и последующие точечные удары (2016)», «Пулвама и удар по объектам в районе Балакота (2019)», «Теракт в Пахалгаме».

Содержание статьи отражает ее структуру. В основной части статьи автор, используя метод case study, анализирует крупные теракты, произошедшие на территории Индии в период с 2001 по 2025 гг., их последствия и влияние на отношения с Пакистаном.

Например, анализируя теракт в Мумбаи, автор справедливо отмечает, что его последствием стало закрепление модели, при которой даже при отсутствии немедленных ответных ударов возникает затяжное охлаждение диалога и рост взаимных обвинений. В заключении автор приходит к обоснованному выводу о том, что трансграничный терроризм на индийском субконтиненте является устойчивым фактором формирования повестки безопасности и внешней политики, а не разрозненным набором эпизодов. Особенno ценным является то, что в заключении автор формулирует набор прикладных мер по минимизации эскалационных рисков.

Таким образом, работа имеет теоретическую и практическую ценность. Материалы данного исследования рассчитаны на широкий круг читательской аудитории, они могут быть интересны и использованы учеными в научных целях, педагогическими работниками в образовательном процессе. Вместе с тем они представляют интерес для специалистов в сфере безопасности, политиков, экспертов, аналитиков.

В качестве недостатков данной работы следует отметить, что выводы по результатам исследования кратко представлены автором в заключении. Однако целесообразно их расширить и выделить в самостоятельный раздел работы, предваряющий заключение, где подводятся общие итоги работы. Также в заключении автор приводит практические рекомендации. Их также можно порекомендовать расширить и выделить в самостоятельную рубрику после основной части статьи. Однако высказанные замечания не умаляют ценность работы.